

РЯДОМ С РЕКОЮ

Воздушным Синьяком пейзажи везде текут, зеленеют и даже
Смеются, как дети, спускаясь к воде, чьи дали, как будто миражи.
Там парус и порт, и бутылочный рай от кисточек Поля Синьяка,
Да плещется синий, да солнышко-Ра, да Сущего сохнет рубаха.
Там тянут улов рыбаки в свитерах, в залатанных джинсах и кедах,
И Господь удачи у них на губах дымится в простых сигаретах.
Зелёным Синьяком пейзажи... Кому послание скинуть об этом?
И впасть, как в вино, в золотистую тьму заштатным до боли поэтом?
И в цвет панагии окрашен закат, разъятый мирами на части,
Под вирусом Африки птицы летят, чтоб крикнуть по-птичьему «здрасти».
Монархи миров марсианских спешат в тарелках, невидимых нами,
И скользкие аспиды небо когтят, и бьются в престолы хвостами...
Там Бог семимильный листает словарь: висят на верёвочке души
И рыцарь поёт про Священный Грааль, по небу идя, как по суше...

БАЛКАНСКОЕ

Вдоль набережной призраки и те,
Что быть могли бы призраками места.
Оплот того, кто спасся на кресте,—
За крепостной... Как спелая невеста
Белеет яхта, лодки, катера,
И тянет светом мусорных окраин,
Ворота в гавань музыка прожгла,
Свалившись из трактира местным раем.
И не с кем ежевичного вина

Мне накатить до первых аллегорий:
Смотреть Софоклом до хмельного дна?
Быть кораблём локальных акваторий.
Тут афинянин что-то сочинял —
Убойный трагик! Что сказать об этом?
Садовник пел и мирный грек канал
С кифарою таким же потным летом.
Я мастер фраз, в которых жизнь встаёт,
Но падает, хотя стоять должна бы...
Прибрежный мир захватывает йод,
Как мальчика анапесты и ямбы,
Как музыка, которая — вот-вот —
Могла бы стать воздушными стихами.
Всё море, как свинцовый кашалот,
Цветы и мгла, которую руками
Сорвать нельзя, и некому сказать
Спасибо за полночное объятье,
И что-то под словами понимать
В рифмующемся с небом променаде.
Уже случилась эта жизнь во мне,
В которой Серафим и дети смерти —
Перемешались в европейской мгле
И расплатились по библейской смете.

Светает Адриатика... В дожде
Всё Монтенегро, облако по скалам
Ползёт невинным зверем. На воде
Кораблики и шарики... Усталым
Глядится мир, как будто выжал ночь,
Отдав все силы женщине, натуре?
Лохмотья туч приляпаны на скотч,
Жизнь вымокла, как ветер после бури.

И музыка, что длится без тебя,
Не требует нечистых аллегорий.
В миндальный мир смотря-бредя-гребя
(Вдыхая недосказанность предгорий),
Я забываю твой порочный взгляд,
Желающий того, что дню враждебно,
И музыку, которую де Сад
Водил гулять на дьявольское небо.
Я понимаю жизнь среди агав,
В которых неразборчивая Будва
В плену моих сомнительных октав
Плывёт кефалью в черепашьё будто,
И вал за валом поднимает грудь,
И падает к святилищу «на мысе»,
И, растекаясь, продолжает путь
Скорее в серой, чем в молочной ризе.
Здесь кипарисы в глянцевой тиши,
Всею хвойной сутью понимают судно,
Приписанное к бухте. Ни души,
Верней, душа — задумчивая Будва,
Застывшая в тональности любви
Венецианской¹ сущности. Я слышу
Густую гамбу в массе синевы,
Ловлю бемолей правильную фишку...
Соперничать с растленной гамбой? — как
Соперничать с губительной волною,
В которой жизнь перетекает в страх,
И сильный мир, порезанный скалою,
То ангелом, то зверем на меня
Глазами Адриатики глядится,
Дырявых туч свисает простыня,
Святой Никола вытянутъся тшится

¹С 1420 по 1797 годы Будва была частью Венецианской республики.

И стать заметней. Лепятся слова —
Всё зарастает местными словами...
Светает Адриатика. Лафа
Айвовой ноты веет над домами.
Светает Адриатика. Зачем
Другая жизнь, когда и этой много?
И музыка сейчас с небытием
Перемешалась на пороге Бога,
Чтоб в будущем затеяться опять,
В таком порыве, о котором море
Не устаёт всё глуше повторять
Творцу на ухо, заходясь в повторе.
Но даже там, в грядущем, вряд ли мы
Сумеем вместе обрести Балканы...
Летает йод от лодки до кормы
Кораблика и запахи кафаны²
Уже спешат в туристскую попсу...
Молчат стихи поэты и уроды...
Такую жизнь по буквочке несусь,
Как музыкант неписанные ноты.

ПЕРАСТ

Всё сильнее размах Адриатики, бьющей хвостом
Переливчатой рыбы — стихами колеблется море...
Я живу между смертью и солнечным нежным огнём,
Где смятенье стиха и греха неизменно в повторе
Ожиданья тебя в колокольной деревне Пераст,
Непонятная жизнь перемешана с музыкой лета,
Побледневшей волной этот мир повернулся анфас
И смеётся зверьком в окруженье прозрачного света.

²Кафана (сербский) — кафе.

Это море опять я вышёптывал, чтобы шептать
Твои плечи и звук амфибрахия, дактиля, ямба
В почерневшую быстро от буковок верных тетрадь,
Понимая любовь как весёлое лёгкое пламя.
И, как праздник, вода Адриатики пела вокруг,
И барочная скрипка откуда-то слева звучала,
Забирая в себя, вынимая изысканный звук,
И бемольного света и в паузах было немало...
И глаза голубых гребешков голубели в воде —
Говорили тебя, все моллюски тебя говорили,
Этот бухтовый свет возникал и стелился везде,
И задабривал жизнь, и подбадривал водные мили.
Этот праздник воды говорил на моём языке,
Растекался строфой и чернел в черногорской тетради,
И глаза голубых гребешков голубели в строке,
И барочная нежность стояла на скрипках Амати...
И, как праздник воды, я вышёптывал жизнь без тебя,
Вспоминая тебя, натываясь на древние стены
Заблудившимся взглядом (стихала стиха ворожба),
Говорящей на русском, молчавшей на местном Камены.
И хотелось молчать, и за облачком взглядом блуждать,
И на лодочке плыть за каким-то ребячьим секретом...
Всё по рифмочке букв эту музыку копит тетрадь,
И последнее солнце блазнится последним поэтом.

БОСНИЙСКОЕ: ОДИНОЧЕСТВО ПОЧТАЛЬОНА

Мы встретимся в Трèбине или Треби́не, где ангел почтовый завис
С молитвой боснийской о брошенном сыне, где в зелени всякий карниз
И призрак поэта шатается рядом, кивая на свой монумент.
Мы свидимся за незапамятным садом, где воздух — боснийский акцент,
И выпустим музу в боснийское небо, которое лепится за...
Пока нас ведут на верёвочке Феба и Вышний нам смотрит в глаза...

Протянет к нам руки не мёртвая Лета, а ветки душистой айвы...
Прочти многоточья, как знаки респекта, значение в них улови.
...Кофейня. Контора. Обшарпанный домик и дворик такой же, как все,
Которому нужен заботливый дворник. Фонарик в сплошной бирюзе.

Зачем это вижу? Откуда всё знаю? От Дучича³? От Самого?
На лютне боснийской втихую играю не музыку, не колдовство...
Мы встретимся в Требине или Требине, где ангел почтовый завис
С молитвой боснийской о брошенном сыне, где в сумерках каждый карниз,
Где мы голубиную почту отметим: строенье австрийских веков,
Простой эсэмэской любимым ответим в саду, где орда светлячков.
...Я сам почтальон одиночества, в город смотрящий, равно в естество,
Из дальней страны, чья отметина — холод, где муза приходит в пальто.
Мы встретимся только в метафоре Бога? В платановом летнем кафе?
Под занавес речи иллюзий не много, не больше, чем страсти в строфе.

КУРЯЩАЯ ОПИЙ

...И Геката течёт, как течёт за стеною река,
И стоит старый Бог, как на рынке чудес, одинокий.
И курящая опий, поймавшая дурь четверга,
Обивает опять Туркестана чужие пороги,
Либо — Индии, что выползает удавом в мозгах,
И слоновый божок открывает дворцы Ришикеша,
И молитву несёт в «океане сансары» монах...
Поощряет дымки постаревший на трубку Ганеша.

³Иован Дучич (1871—1943)— сербский боснийский поэт, родился в Требине.

Это Киплинг-сагиб? Это — Азия. Будда и бред...
Раскурившая жизнь видит, как на подушке драконы
Оживают, и вот — погибает от первого смерд,
И летает огонь, и химеры заходят в притоны,
И печальный дракон превращается в Красного, и
Принимает его раскурившая опий, как славу...
Я зачем говорю? Я в какие вливаюсь круги? —
Сколько рупий в аду за бомбейскую платят кенафу?

Сколько жёлтых богов окружает курящую, чтоб
Караваны в окне намозолили тропы созвездий,
И стебётся луна (по окраске багровый пироп),
Понимая сюжет, точно танец нешуточной мести.
И курящая смерть говорит о счастливом, и свет
Приглушается и — скачет всадник на лошади-смерти,
И нежнейшая мгла наступает на жёлтый сюжет,
И темнеет в мозгах, и рыдают от хохота черти.

Ступает Никта. Некто держит мир.
Озёрный парк в полночное отплыл...
Бредут шуты и сны Иеронима:
Знакомый в красном, в синем интроверт,
На колесе из пекла катит смерд,
Присел закат на крыше анонима.

Сказания библейские в кустах
Тёмно-зелёных, тянет когти Страх,
В пахучей мгле забудешь имя девы,
С которой жил на крепких берегах,
Ловил снега, кутил на облаках,
Как сын Адама, попадался в дебри:

То — Змий меня, то — местный василиск
Читать учили бестиарий. Диск,
Желтеющий вверху, до йоты в теме.
Великий бес над нами молча ржёт,
Листает бред да кушает компот
Из сухофруктов: старый мерин в теле!

Ступает Никта. Некто держит мир.
Художник свет лютнисту потушил,
Пророчества в подушку сунул детям.
Что бросит нам? Что высмотреть пора? —
Алхимия морочит до утра...
По курсу мифологий и приметам —

Кому — лафа, кому — нескучный ад,
Жужжащий мухой и встающий над...
...Как по приказу души танцевали,
Впуская то, что днём бы никогда...
Кричат зверьём в потёмках поезда,
И мы зверей, как музыку, прощали.